

Вера и Наука

Эррико Малатеста

15 сентября 1924

В нашем номере от 15 августа, говоря о *Религиозной реформе*, в примечании к статье, в которой товарищ Бениньо Бласко занимался протестантской пропагандой журнала *Coscientia*, я говорил:

Мы (в религию) не верим; и поэтому не можем основывать нашу мораль на том, что считаем ложью, будь то католической или протестантской.

Если бы «Coscientia» могла дать нам веру! Но как она могла бы это сделать? Мы хотели бы доказательств и сомневаемся, что можно доказать истинность христианских догматов.

«*Coscientia*» находит, что я «грубо поставил вопрос в точных терминах», и в свою очередь отвечает:

«Coscientia», если не может дать веру, может дать такой ответ: Существуют два склада ума: 1° догматический, который считает, что нашёл окончательную истину, заключённую в нём самом, не знает мук или беспокойства новых исканий и судит всё, что находится вне его, как суеверие, низший продукт и так далее. Примерами служат

Эррико Малатеста
Вера и Наука
15 сентября 1924

Pensiero e Volontà, №18

ru.anarchistlibraries.net

католический склад ума и тот естественно-правовой [от естественного права], который является карикатурной проекцией первого. Догмату о непогрешимости Папы точно соответствует догмат о непогрешимости Науки. Многие анархисты обладают этим складом ума, и он проявляется совершенно ясно в требовании доказательства христианских догматов, которое предъявляет нам Малатеста (вот догмат доказательства); 2° критический склад ума: этот исключительно современный, живёт сомневаясь; вера никогда не является окончательной или такой, которой обладают так, чтобы не искать лучшего, и ценность её заключается в воле к ней, в тяжком приобретении, так же как либерализм не в политической программе, а в себе самом, как философия – в философствовании. Это религиозное открытие Кальвина, философское Гегеля, политическое Стюарта Милля, – словом, открытие иной культуры, у которой тоже есть неверующие, но иного рода и менее неверующие, чем принято думать. Кроче, например, никогда не потребует доказательств божественности Христа.

Учитывая это, становится ясной трудность для догматического склада ума понять критический склад ума, который был путём к тому, чтобы стать тем, что мы есть. Следовало бы сомневаться в собственных идеях, а это не входит в намерения Малатесты, о чьей упорной привязанности к своим принципам мы знаем в часы печальные и безмятежные.

Словом, здесь вопрос воли и расположения; того, что Паскаль называл волей к вере, прежде чем быть вопросом веры.

Это ответ, возможно, немного длинный, но не бесполезный для того, чтобы прояснить термины некоторых разногласий.

Coscienza судит обо мне плохо. Что бы ни думали другие анархисты, я отвергаю как естественное право восемна-

дцатого века, так и *сциентизм* девятнадцатого; и прежде всего я не догматик. Я не верю в непогрешимость Науки, ни в её способность всё объяснить, ни в её миссию регулировать поведение людей, как не верю в непогрешимость Папы, в Мораль Откровения и в божественное происхождение Священного Писания.

Я верю только в то, что может быть доказано; но прекрасно знаю, что *доказательства* – вещь относительная и могут, и действительно постоянно, быть превзойдены и отменены другими доказанными фактами; и поэтому я считаю, что сомнение должно быть умственной позицией всякого, кто стремится всё больше приближаться к истине, или по крайней мере к той доле истины, которую возможно достичь.

Coscientia говорит, что надо иметь *волю к вере*, признавая тем самым, что вера есть феномен самовнушения, ни в чём не соответствующее объективной реальности. И поэтому она не желает слышать о доказательствах и считает признаком догматического склада ума требовать их, тогда как, напротив, признаком критического склада ума было бы верить, естественно, без доказательств, что есть Бог, создавший Мир из ничего, что этот Бог разделится на три лица и послал одно из них, сына Иисуса, чтобы искупить грехи человечество, и так далее.

Мне это кажется складом ума благочестивых почитателей святого Януария!

Воле к вере, которая может быть лишь волей к упразднению собственного разума, я противопоставляю *волю к знанию*, которая оставляет открытым перед нами необъятное поле исследований и открытий. Я, как уже сказал, допускаю только то, что может быть доказано так, чтобы удовлетворить мой разум, – и допускаю это только *предварительно, относительно*, всегда в ожидании новых истин, более истинных, чем те, что были приобретены до того.

Итак, никакой *веры* в религиозном смысле этого слова.

Случается и мне говорить, что нужна вера, что в борьбе за добро нужны люди твёрдой веры, которые стоят непоколебимо в бурях, как башня, *чья вершина никогда не рушится от дуновения ветра*. И есть даже анархистская газета, которая, явно вдохновляясь этой потребностью, называется *Вера!* Но здесь речь идёт о другом значении слова. Здесь вера означает *твёрдую волю и сильную надежду* и не имеет ничего общего со слепой верой в вещи, которые кажутся или непостижимыми, или абсурдными.

Но как я примиряю это неверие в религию и это сомнение, я бы сказал, систематическое, в окончательные результаты науки – с моральной нормой и с твёрдой волей и сильной надеждой осуществить мой идеал свободы, справедливости, человеческого братства?

А дело в том, что я не прибегаю к науке там, где науке нет места.

Задача науки – открывать и говорить о факте и об условиях, в которых факт необходимо происходит и повторяется: говорить о том, что есть и что необходимо должно быть, а не о том, чего люди желают и хотят. Она останавливается там, где кончается фатальность и начинается свобода. Она служит человеку, потому что предохраняет его от того, чтобы он терялся в невозможных химерах, и в то же время даёт ему средства расширить поле, принадлежащее свободной воле: способность желать, которая отличает людей – а возможно, в разной степени и всех животных – от неподвижных вещей и от бессознательных сил.

Именно в этой способности желать и следует искать источники морали, правила поведения.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.